

Л. Н. Толстой

Анна Каренина

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Анна Каренина: Том 2 / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2016. –
532 с.

ISBN 978-5-517-99311-3

Роман в восьми частях.

ISBN 978-5-517-99311-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

кажется, уже лѣтъ девять не говѣлъ. Я и не подумалъ.

— Хорошъ! — смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — а меня же называешь нигилистомъ! Однако вѣдь это нельзя. Тебѣ надо говѣть.

— Когда же? Четыре дня осталось.

Степанъ Аркадьевичъ устроилъ и это. И Левинъ сталъ говѣть. Для Левина, какъ для человѣка невѣрующаго и вмѣстѣ съ тѣмъ уважающаго вѣрованія другихъ людей, присутствіе и участіе во всякихъ церковныхъ обрядахъ было очень тяжело. Теперь, въ томъ чувствительномъ ко всему, размягченномъ состояніи духа, въ которомъ онъ находился, эта необходимость притворяться была Левину не только тяжела, но показалась совершенно невозможной. Теперь, въ состояніи своей славы, своего цвѣтенія, онъ долженъ будетъ или лгать или конуствовать. Онъ чувствовалъ себя не въ состояніи дѣлать ни того, ни другого. Но сколько онъ ни допрашивалъ Степана Аркадьевича, нельзя ли получить свидѣтельство не говѣя, Степанъ Аркадьевичъ объявилъ, что это невозможно.

— Да и что тебѣ стоитъ — два дня? И онъ премилый, умный старичокъ. Онъ тебѣ выдернетъ этотъ зубъ такъ, что ты и не замѣтишь.

Стоя у первой обѣдни, Левинъ попытался освѣжить въ себѣ юношескія воспоминанія того сильнаго религіознаго чувства, которое онъ пережилъ отъ шестнадцати до семнадцати лѣтъ; но тотчасъ же убѣдился, что это для него совершенно невозможно. Онъ попытался смотрѣть на все это, какъ на цензюрію значенія пустой обычай, подобный обычаю дѣланія визитовъ; но почувствовалъ, что и этого онъ никакъ не могъ сдѣлать. Левинъ находился въ отношеніи къ религіи, какъ и большинство его современниковъ, въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Вѣрить онъ не могъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ твердо убѣжденъ

въ томъ, чтобы все это было несправедливо. И поэтому, не будучи въ состояннн вѣрить въ значительность того, что онъ дѣлалъ, ни смотрѣть на это равнодушно, какъ на пустую формальность, во все время этого говѣнья онъ испытывалъ чувство неловкости и стыда, дѣлая то, чего самъ не понимаетъ, и потому, какъ ему говорилъ внутренній голосъ, что-то лживое и нехорошее.

Во время службы онъ то слушалъ молитвы, стараясь приписывать имъ значеніе такое, которое бы не расходилось съ его взглядами, то, чувствуя, что онъ не можетъ понимать и долженъ осуждать ихъ, старался не слушать ихъ, а занимался своими мыслями, наблюденіями и воспоминаніями, которыя съ чрезвычайною живостью во время этого празднаго стояннн въ церкви бродили въ его головѣ.

Онъ отстоялъ обѣдню, всенощную и вечерннн правила и на другой день, вставъ раньше обыкновеннаго, не пивъ чаю, пришелъ въ восемь часовъ утра въ церковь для слушаннн утреннихъ правилъ и исповѣди.

Въ церкви никого не было, кромѣ нищаго солдата, двухъ старушекъ и церковнослужителей.

Молодой дьяконъ, съ двумя рѣзко обозначившимися половинками длинной спины подъ тонкимъ подрясникомъ, встрѣтилъ его и тотчасъ же, подойдя къ столу у стѣны, сталъ читать правила. По мѣрѣ чтеннн, въ особенности при частомъ и быстромъ повтореннн тѣхъ же словъ: «Господи помилуй», которыя звучали какъ «помилось, помилось», Левинъ чувствовалъ, что мысль его заперта и запечатана и что трогать и шевелить ее теперь не слѣдуетъ, а то выйдетъ путаница, и потому онъ, стоя позади дьякона, продолжалъ, не слушая и не вникая, думать о своемъ. «Удивительно много выраженнн въ ея рукѣ», думалъ онъ, вспоминая, какъ вчера они сидѣли у углового стола. Говорить имъ не о чемъ было, какъ всегда

почти въ это время, и она, положивъ на столъ руку, раскрывала и закрывала ее, и сама засмѣялась, глядя на ея движеніе. Онъ вспомнилъ, какъ онъ поцѣловалъ руку и какъ потомъ разсматривалъ сходящіяся черты на розовой ладони. «Опять помилось», подумалъ Левинъ, крестясь, кланяясь и глядя на гибкое движеніе спины кланяющагося дьякона. «Она взяла потомъ мою руку и разсматривала линіи: — у тебя славная рука, — сказала она». И онъ посмотрѣлъ на свою руку и на короткую руку дьякона. «Да, теперь скоро кончится, — думалъ онъ. — Нѣтъ, кажется, опять съ начала, — подумалъ онъ, прислушиваясь къ молитвамъ. — Нѣтъ, кончается; вотъ уже онъ кланяется въ землю. Это всегда передъ концомъ».

Незамѣтно получивъ рукой въ плисовомъ общагѣ грехрублевую бумажку, дьяконъ сказалъ, что онъ запишетъ, и, бойко звуча новыми сапогами по плитамъ пустой церкви, прошелъ въ алтарь. Черезъ минуту онъ выглянулъ оттуда и поманилъ Левина. Запертая до сихъ поръ мысль зашевелилась въ головѣ Левина, но онъ поспѣшилъ отогнать ее. «Какъ-нибудь устроится», подумалъ онъ и пошелъ къ амвону. Онъ вошелъ на ступеньки и, повернувъ направо, увидалъ священника. Старичокъ-священникъ, съ рѣдкою полу сѣдою бородой, съ усталыми, добрыми глазами, стоялъ у аналоя и перелистывалъ требникъ. Слегка поклонившись Левину, онъ тотчасъ же началъ читать привычнымъ голосомъ молитвы. Окончивъ ихъ, онъ поклонился въ землю и обратился лицомъ къ Левину.

— Здѣсь Христосъ невидимо предстоить, принимая вашу исповѣдь, — сказалъ онъ, указывая на Распятіе. — Вѣруете ли вы во все то, чему учить насъ святая апостольская церковь? — продолжалъ священникъ, отворачивая глаза отъ лица Левина и складывая руки подъ епитрахиль.

— Я сомнѣвался, я сомнѣваюсь во всемъ, — про-

говорилъ Левинъ неприятнымъ для себя голосомъ и замолчалъ.

Священникъ подождаль нѣсколько секундъ, не скажетъ ли онъ еще чего, и, закрывъ глаза, быстрымъ владимірскимъ на «о» говоромъ сказалъ:

— Сомнѣнія свойственны слабости человѣческой, но мы должны молиться, чтобы милосердый Господь укрѣпилъ насъ. Какіе особенные грѣхи имѣете? — прибавилъ онъ безъ малѣйшаго промежутка, какъ бы стараясь не терять времени.

— Мой главный грѣхъ есть сомнѣніе. Я во всемъ сомнѣваюсь и большею частью нахожусь въ сомнѣніи.

— Сомнѣніе свойственно слабости человѣческой, повторилъ тѣ же слова священникъ. — Въ чемъ же преимущественно вы сомнѣваетесь?

— Я во всемъ сомнѣваюсь. Я сомнѣваюсь иногда даже въ существованіи Бога, — невольно сказалъ Левинъ и ужаснулся неприличію того, что онъ говорилъ. Но на священника слова Левина не произвели, какъ казалось, впечатлѣнія.

— Какія же могутъ быть сомнѣнія въ существованіи Бога? — съ чуть замѣтною улыбкой поспѣшно сказалъ онъ.

Левинъ молчалъ.

— Какое же вы можете имѣть сомнѣніе о Творцѣ, когда вы воззрите на творенія Его? — продолжалъ священникъ быстрымъ, привычнымъ говоромъ. — Кто же украсилъ свѣтилами сводъ небесный? Кто облекъ землю въ красоту ея? Какъ же безъ Творца? — сказалъ онъ, вопросительно взглянувъ на Левина.

Левинъ чувствовалъ, что неприлично было бы вступать въ философскія пренія съ священникомъ, и потому сказалъ въ отвѣтъ только то, что прямо отпосилось къ вопросу.

— Я не знаю, — сказалъ онъ.

— Не знаете? То какъ же вы сомнѣваетесь въ

томъ, что Богъ сотворилъ все? — съ веселымъ недоумѣніемъ сказалъ священникъ.

— Я не понимаю ничего, — сказалъ Левинъ, краснѣя и чувствуя, что слова его глупы и что они не могутъ не быть глупы въ такомъ положеніи.

— Молитесь Богу и просите Его. Даже святые отцы имѣли сомнѣнія и просили Бога объ утвержденіи своей вѣры. Дьяволъ имѣетъ большую силу, и мы не должны поддаваться ему. Молитесь Богу, просите Его. Молитесь Богу, — повторилъ онъ посигъшию.

Священникъ помолчалъ нѣсколько времени, какъ бы задумавшись.

— Вы, какъ я слышалъ, собираетесь вступить въ бракъ съ дочерью моего прихожанина и сына духовпаго, князя Щербацкаго? — прибавилъ онъ съ улыбкой. — Прекрасная дѣвица!

— Да, — краснѣя за священника, отвѣчалъ Левинъ. «Къ чему ему нужно спрашивать объ этомъ на исповѣди?» подумалъ онъ.

И, какъ бы отвѣчая на его мысль, священникъ сказалъ ему:

— Вы собираетесь вступить въ бракъ, и Богъ, можетъ быть, наградитъ васъ потомствомъ, не такъ ли? Что же, какое воспитаніе можете дать вы вашимъ малюткамъ, если не побѣдите въ себѣ искушеніе дьявола, влекущаго васъ къ невѣрію? — сказалъ онъ съ кроткою укоризной. — Если вы любите свое чадо, то вы, какъ добрый отецъ, не одного богатства, роскоши, почести будете желать своему дѣтищу: вы будете желать его спасенія, его духовнаго просвѣщенія свѣтомъ истины. Не такъ ли? Что же вы отвѣтите ему, когда невинный малютка спроситъ у васъ: «папаша, кто сотворилъ все, что прельщаетъ меня въ этомъ мірѣ, — землю, воды, солнце, цвѣты, травы»? Неужели вы скажете ему: «я не знаю»? Вы не можете не знать, какъ Господь Богъ по великой милости Своей открылъ

вамъ это. Или дитя ваше спроситъ васъ: «что ждетъ меня въ загробной жизни?» Что вы скажете ему, когда вы ничего не знаете? Какъ же вы будете отвѣчать ему? Предоставите его прелести міра и дьявола? Это нехорошо! — сказалъ онъ и остановился, склонивъ голову на бокъ и глядя на Левина добрыми, кроткими глазами.

Левинъ ничего не отвѣчалъ теперь — не потому, что онъ не хотѣлъ вступить въ споръ съ священникомъ, но потому, что никто ему не задавалъ такихъ вопросовъ, а когда малютки его будутъ задавать эти вопросы, еще будетъ время подумать, что отвѣчать.

— Вы вступаете въ пору жизни, — продолжалъ священникъ, — когда надо избирать путь и держаться его. Молитесь Богу, чтобъ Онъ по Своей благодати помогъ вамъ и помиловалъ, — заключилъ онъ. — Господь и Богъ нашъ Иисусъ Христосъ, благодатию и щедротами Своего человѣколюбія, да проститъ тебѣ, чадо... — и, окончивъ разрѣшительную молитву, священникъ благословилъ и отпустилъ его.

Вернувшись въ этотъ день домой, Левинъ испытывалъ радостное чувство того, что неловкое положеніе кончилось и кончилось такъ, что ему не пришлось лгать. Кромѣ того, у него осталось неясное воспоминаніе о томъ, что то, что говорилъ этотъ добрый и милый старичокъ, было совсѣмъ не такъ глупо, какъ ему показалось сначала, и что тутъ что-то есть такое, что нужно уяснить.

«Разумѣется, не теперь, — думалъ Левинъ, — но когда-нибудь послѣ». Левинъ, больше чѣмъ прежде, чувствовалъ теперь, что въ душѣ у него что-то неясно и нечисто и что въ отношеніи къ религіи онъ находится въ томъ же самомъ положеніи, которое онъ такъ ясно видѣлъ и не любилъ въ другихъ и за которое онъ упрекалъ пріятеля своего Свѣжскаго.

Проводя этотъ вечеръ съ невѣстой у Долли, Ле-

вицъ былъ особенно веселъ и, объясняя Степану Аркадьевичу то возбужденное состояніе, въ которомъ онъ находился, сказалъ, что ему весело, какъ собацѣ, которую учили скакать черезъ обручъ и которая, понявъ наконецъ и совершивъ то, что отъ нея требуется, взвизгиваетъ и, махая хвостомъ, прыгаетъ отъ восторга на столы и окна.

II

Въ день свадьбы Левинъ, по обычаю (на исполненіи всѣхъ обычаевъ строго настаивали княгиня и Дарья Александровна), не видалъ своей невѣсты и обѣдалъ у себя въ гостиницѣ съ случайно собравшимися къ нему тремя холостяками: Сергѣй Ивановичъ, Катавасовъ, товарищъ по университету, теперь профессоръ естественныхъ наукъ, котораго, встрѣтивъ на улицѣ, Левинъ затащилъ къ себѣ, и Чириковъ, шаферъ, московскій мировой судья, товарищъ Левина по медвѣжьей охотѣ. Обѣдъ былъ очень веселый. Сергѣй Ивановичъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и забавлялся оригинальностью Катавасова. Катавасовъ, чувствуя, что его оригинальность оцѣнена и понимаема, щеголялъ ею. Чириковъ весело и добродушно поддерживалъ всякій разговоръ.

— Вѣдь вотъ, — говорилъ Катавасовъ, по привычкѣ, пріобрѣтенной на кафедрѣ, растягивая свои слова, — какой былъ способный малый нашъ пріятель Константинъ Дмитричъ. Я говорю про отсутствующихъ, потому что его уже нѣтъ. И науку любилъ тогда, по выходѣ изъ университета, интересы имѣлъ человѣческіе, теперь же одна половина его способностей направлена на то, чтобъ обманывать себя, и другая — чтобъ оправдывать этотъ обманъ.

— Болѣе рѣшительнаго врага женитьбы, какъ вы, я не видалъ, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

Нѣтъ, я не врагъ. Я — другъ раздѣленія труда. Люди, которые дѣлать ничего не могутъ, должны дѣлать людей, а остальные — содѣйствовать ихъ просвѣщенію и счастію. Вотъ какъ я понимаю. Мѣшать два эти ремесла есть тѣма охотниковъ; я не изъ ихъ числа.

— Какъ я буду счастливъ, когда узнаю, что вы влюбитесь! — сказалъ Левинъ. — Пожалуйста, позовите меня на свадьбу.

— Я влюбленъ уже.

— Да, въ каракатицу. Ты знаешь, — обратился Левинъ къ брату, — Михаилъ Семенычъ пишетъ сочиненіе о питаніи и . . .

— Ну жъ не путайте! Это все равно о чемъ. Дѣло въ томъ, что я точно люблю каракатицу.

— Но она не помѣшаетъ вамъ любить жену.

— Она-то не помѣшаетъ, да жена помѣшаетъ.

— Отчего же?

— А вотъ увидите. Вы вотъ хозяйство любите, охоту; ну, посмотрите!

— А нынче Архинъ былъ, говорилъ, что лосей пропасть въ Прудномъ и два медвѣдя, — сказалъ Чириковъ.

— Ну, ужъ вы ихъ безъ меня возьмете.

— Вотъ и правда, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Да и впередъ простись съ медвѣжьею охотой: жена не пуститъ!

Левинъ улыbnулся. Представленіе, что жена его не пуститъ, было ему такъ пріятно, что онъ готовъ былъ навсегда отказаться отъ удовольствія видѣть медвѣдей.

— А вѣдь все-таки жалко, что этихъ двухъ медвѣдей безъ васъ возьмутъ. А помните въ Хапловѣ послѣдній разъ? Чудная была бы охота, — сказалъ Чириковъ.

Левинъ не хотѣлъ его разочаровывать въ томъ,

что гдѣ-нибудь можетъ быть что-нибудь хорошее безъ нея, и потому ничего не сказалъ.

— Не даромъ установился этотъ обычай прощаться съ холостой жизнью, — сказалъ Сергѣй Ивановичъ. — Какъ ни будь счастливъ, все-таки жаль свободы.

— А признайтесь, есть это чувство, какъ у Гоголевскаго жениха, что въ окошко хочется выпрыгнуть?

— Навѣрно есть, но не признается! — сказалъ Катавасовъ и громко захохоталъ.

— Что же, окошко открыто... Поѣдемъ сейчасъ въ Тверь! Одна медвѣдица, на берлогу можно идти. Право, поѣдемъ на пятичасовомъ! А тутъ какъ хотять, — сказалъ улыбаясь Чириковъ.

— Ну вотъ, ей-Богу, — улыбаясь сказалъ Левинъ, — не могу найти въ своей душѣ этого чувства сожалѣнія о своей свободѣ!

— Да у васъ въ душѣ такой хаосъ теперь, что ничего не найдете, — сказалъ Катавасовъ. — Погодите, какъ разберетесь немножко, то найдете!

— Нѣтъ, я бы чувствовалъ хоть немного, что кромѣ своего чувства (онъ не хотѣлъ сказать при немъ любви)... и счастья, все-таки жаль потерять свободу... Напротивъ, я этой-то потерѣ свободы и радъ.

— Плохо! Безнадежный субъектъ! — сказалъ Катавасовъ. — Ну, выпьемъ за его исцѣленіе или пожелаемъ ему только, чтобъ хоть одна сотая его мечтаній сбылась. И это ужъ будетъ такое счастье, какого не бывало на землѣ.

Вскорѣ послѣ обѣда гости уѣхали, чтобъ успѣть переодѣться къ свадьбѣ.

Оставшись одинъ и вспоминая разговоры этихъ холостяковъ, Левинъ еще разъ спросилъ себя: есть ли у него въ душѣ это чувство сожалѣнія о своей свободѣ, о которомъ они говорили? Онъ улыбнулся

при этомъ вопросѣ. «Свобода? Зачѣмъ свобода? Счастіе только въ томъ, чтобы любить и желать, думать ея желаніями, ея мыслями, то-есть никакой свободы, — вотъ это счастіе!»

«Но знаю ли я ея мысли, ея желанія, ея чувства!» вдругъ шепнулъ ему какой-то голосъ. Улыбка исчезла съ его лица, и онъ задумался. И вдругъ на него нашло странное чувство. На него нашелъ страхъ и сомнѣніе, — сомнѣніе во всемъ.

«Что какъ она не любитъ меня? Что какъ она выходитъ за меня только для того, чтобы выйти замужъ? Что если она сама не знаетъ того, что дѣлаетъ? — спрашивалъ онъ себя. — Она можетъ опомниться и, только выйдя замужъ, пойметъ, что не любить и не могла любить меня». И странные, самыя дурныя мысли о ней стали приходить ему. Онъ ревновалъ ее къ Вронскому, какъ годъ тому назадъ, какъ будто этотъ вечеръ, когда онъ видѣлъ ее съ Вронскимъ, былъ вчера. Онъ подозрѣвалъ, что она не все сказала ему.

Онъ быстро вскочилъ. «Нѣтъ, это такъ нельзя! — сказалъ онъ себѣ съ отчаяніемъ. — Пойду къ пей, спрошу, скажу послѣдній разъ, мы свободны, и не лучше ли остановиться? Все лучше, чѣмъ вѣчное несчастіе, позоръ, невѣрность!!» Съ отчаяніемъ въ сердцѣ и со злобой на всѣхъ людей, на себя, на нее онъ вышелъ изъ гостиницы и поѣхалъ къ ней.

Онъ засталъ ее въ заднихъ комнатахъ. Она сидѣла на сундукѣ и о чемъ-то распоряжалась съ дѣвушкой, разбирая кучи разноцвѣтныхъ платьевъ, разложенныхъ на спинкахъ стульевъ и на полу.

— Ахъ! — вскрикнула она, увидавъ его и вся просіявъ отъ радости. — Какъ ты, какъ же вы? (До этого послѣдняго дня она говорила ему то «ты», то «вы»). Вотъ не ждала! А я разбираю мои дѣвичьи платья, кому какое...